

Юрий Геннадьевич Конов,
старший научный сотрудник Исторического отдела
Псковского музея-заповедника
(Псков)

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

В конце XIX века Синеникольский погост – центр Синеникольской волости Опочецкого уезда. В нем насчитывается 50 строений, 9 дворов, жителей – 16 мужчин и 20 женщин, деревянная церковь, часовня и кладбище, 2 синильные лавки, 2 мелочные лавки, 2 корчмы, пивная лавка. 8 мая бывает торжок. Кладбище в Синей Николе старинное. Сохранились могилы конца XIX века. На синеникольском кладбище находится загадочное захоронение. Над ним оригинальный крест, выполненный под дерево. Отчетливо видны сучки дерева, на крестовине помещена дощечка, привязанная к кресту веревкой – все искусно отлито из чугуна. К сожалению, надпись не сохранилась, возможно, она была уничтожена, так как имеются отверстия, к которым она крепилась. В народе эту могилу называют «осиновый крест». В ходе историко-археографической экспедиции 1976 года об этом памятнике упоминает Нина Петровна Осипова. *«24 мая 1976 года. ... Дальше наш путь лежал в Синюю Николу. Большое село, раньше здесь бывали многолюдные ярмарки, церковь из красного кирпича, поздняя конца XIX века, * огромная, красивая, внутри всё разрушено, а стены сохранились очень хорошо. Напротив, кладбище, старое запущенное. Есть один интересный крест, без надписи и могила уже не сохранилась. Как нам сказали ребятишки — это осиновый кол. Действительно, крест чугунный (металлический) производит впечатление живого дерева, засохшего и потемневшего от времени, с сучками и шероховатостями, крест кажется деревянным. К нему когда-то была прикреплена табличка с надписью. Надпись уже исчезла, кто похоронен – неизвестно, но крест запоминающийся».* Учитель истории Анкудиновской средней школы, краевед Светлана Николаевна Астратова собрала легенды, бытующие в связи с этим артефактом. *Бытует легенда: сын местного дворянина был связан с декабристами. Когда началось следствие и родители узнали об этом, то проклинали его. Молодой человек покончил с собой (повесился). Крест символизирует проклятие (осиновый) и то, что повесился (веревка, затягивающая пластину с надписью).*

Конов Ю. Г.

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

Под «осиновым крестом» покоится прах сына гримовского барина (имения в нескольких километрах от Синеи Николы). Его сын, будучи студентом, являлся членом кружка П. Я Шевырева – А. И. Ульянова. 1 марта 1887 г. они организовали неудачное покушение на Александра III. 15 членов кружка были арестованы и преданы суду. Пятеро, в том числе А. И. Ульянов, приговорены к смертной казни. Когда начались аресты, молодой человек находился в Гримове, и, чтобы избежать ареста, покончил с собой.

Последнее утверждение имеет под собой реальную почву, если знать о драматической судьбе последнего владельца сельца Гримова Николая Семеновича Утретского.

В конце XIX века сельцо Гримова Синеникольской волости имело 22 строения. В нем проживали 9 мужчин и 6 женщин. До отмены крепостного права им владела семья Медеров, в 1859 году в нем проживала Мария Павловна Медер. Впоследствии это село приобрел местный купец Семен Петрович Утретский. В конце столетия хозяином Гримова стал его сын Николай Семенович Утретский.

Имя Николая Семеновича Утретского (1860-1897) – купца пригорода Красного и Опочецкого землевладельца, было хорошо известно в красногородском крае. 8 февраля 1884 года он венчался в Петербурге в церкви Святой Екатерины с потомственной дворянкой Варшавской губернии Юлией Яковлевной Заленской. В 1877 году она окончила в Пскове Мариинскую женскую гимназию, а её родной брат Эдуард Яковлевич Заленский был известным псковским врачом.

Николай Семенович, будучи гласным Опочецкой уездной управы, принимал активное участие в экономической, общественной и культурной жизни уезда.

Журналы Опочецкого уездного земского собрания демонстрируют нам разностороннюю деятельность Н. С. Утретского на посту гласного Опочецкой земской управы. На заседаниях земства он читает доклады по народному образованию, народному продовольствию, оценке земель.

Вопросы медицинского обслуживания на селе были в центре внимания Опочецкого земства. 6 октября 1894 года Н. С. Утретский прочитал доклад о состоянии медицинского обслуживания в уезде. В результате земство приняло ряд постановлений, улучшающих ситуацию в ряде волостей уезда. В частности, на окончательный ремонт Синеникольского приемного покоя земство ассигновало 278

рублей. Было увеличено количество коек, выделены деньги на приобретение белья и медицинских инструментов.

А между тем Николай Семенович переживал тяжелый кризис. Он убеждался в тщетности своих попыток «служить народу», в том, что он, несмотря на то, что отдавал все свои силы и свое состояние в стремлении помочь мужикам в их тяжелой доле, не встречал у них искреннего понимания и благодарности. Розданные ссуды почти никто не возвращал. И, несмотря на льстивые уверения в любви при просьбах о помощи, до него доходили враждебные и насмешливые отзывы мужиков за глаза. Он искренне тяготился своим состоянием, нечестно нажитым, как он считал, его отцом и дедом, и поэтому особенно старался помочь тем, кого обездолили купцы и помещики. Он сам считал себя выходцем из мужицкой среды, и эта непроходимая стена, которая выросла между ним и мужиками, показавшая, как далеко от них он оторвался и как он им чужд, была особенно оскорбительна для него с его народническими взглядами.

К этому прибавилось и грозившее ему разорение. Он не был дельцом, он оторвался и от купцов-родственников, и от друзей отца, но не хотел сделаться и пролетарием. Он не хотел лишиться уютного Гримова и той красивой и уютной жизни деревенского помещика, которой особенно дорожил ради жены. Ему хотелось дать эту жизнь ей, чтобы вознаградить ту, кого он горячо любил, за ее тяжелую юность, проведенную в лишениях, в работе у чужих людей. Она понимала его трагедию и мучилась вместе с ним, но не знала, как ему помочь.

Трагедия Н. С. Утретского достигла кульминационного момента весной 1896 г. Предыдущий 1895 год был дождливым и неурожайным. Крестьянская беднота с трудом пережила суровую зиму и к весне 96-го съела весь хлеб. Сеять было нечем. Уездное земство, в котором главную роль играл Николай Семенович, энергично взялось за организацию помощи. Были отпущены средства на закупку хлеба для раздачи ссуд крестьянам. Всей организацией помощи ведал он сам и решил лично провести раздачу хлеба в Острове, на станции железной дороги, куда был подвезен закупленный хлеб. В волостях были составлены списки нуждающихся крестьян. Хлеб выдавали «на семена и на емена», как говорили мужики, т.е. для посева и для пропитания. Мужики со всего уезда приехали на своих лошадях по весенней протаявшей дороге в Остров. Выдача производилась из железнодорожного пакгауза. Николай Семенович, уже хорошо знакомый в это время с мужицкой психологией,

Конов Ю. Г.

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии

знал, что требовать хлеб будут не только действительно нуждающиеся бедняки, но и кулаки, не внесенные в списки, и поэтому решил лично следить за правильностью выдачи. Он с гордостью отказался от помощи полицейских стражников, которых предложил ему губернатор для соблюдения порядка во время выдачи, так как еще надеялся, что авторитет и уважение к нему крестьян будут достаточны, чтобы обеспечить этот порядок и справедливую раздачу хлеба.

Кулаки, получив отказ в выдаче им хлеба, подпоили бедняков, получавших хлеб, и громадная пьяная толпа окружила пакгауз, в котором был Николай Семенович, с криками, что он обманывает народ, прячет хлеб для себя, припоминали ему дела его отца и деда. Тщетно он пытался уговорить их, обращаясь к беднякам. Его не слушали, перебивали, заглушали его слова общим гамом.

В конце концов пьяная орава схватила его, поволокла в пустое отделение пакгауза и заперла там на ночь. Холодную апрельскую ночь он провел в этом амбаре, оскорбленный и бессильный. Утром его освободили стражники, вызванные приставом и разогнавшие толпу.

Жалкий, жестоко оскорбленный и морально потрясенный Николай Семенович вышел оттуда под охраной полицейских и, сев в свой тарантас, уехал в Гримова. Он простудился и лежал две недели. Но самым тяжелым было моральное потрясение и окончательное крушение его прежних идеалов и надежд. Он никого не хотел видеть из соседей, отсылал от себя детей. Часами ходил по саду, переживая свою жестокую обиду – отмечал в своих воспоминаниях Дмитрий Дмитриевич Бизюкин, хорошо знавший семью Утретских. Через много лет, он, обладавший несомненным литературным талантом, расскажет о трагедии этой семьи в своих мемуарах, лишь изменив фамилии: Бизюкиных на Ташлыковых, Утретских на Погосских.

Между тем его личные хозяйственные дела запутывались все сильнее, долги начинали душить, и в том состоянии полной моральной растерянности, в котором он находился, Николай Семенович не видел выхода из этого положения. И, наконец, новый удар свалился на него: у Юлии Яковлевны открылась чахотка, которая быстро стала подтачивать надорванный последними переживаниями и страданиями за мужа организм. Чтобы спасти жену, надо было отвезти ее в санаторий на юг, а средств на это не было. И вот наступила развязка. «...Все беды, разом навалившиеся на покойного, пошатнули его душевное равновесие... Обманув бдительность окружающих, под невыносимым гнетом душевных потрясений, покончил он с собой

в лесу одной из своих пустошей 16 июня 1897 года», – сообщалось в «Вестнике Псковского губернского земства».

«В бледном свете раннего весеннего утра, в кружевной зелени березы, они увидели силуэт Николая Семеновича, висящего на суку невысоко над землей с широко открытыми глазами, с растопыренными странно руками. На моего брата это произвело такое впечатление, что, приехав домой, еще не ложась спать, он нарисовал запечатлевшуюся в его глазах страшную картину. Брат был не большой рисовальщик, но, очевидно, так сильно эта картина врезалась ему в память, что его рисунок удивительно похоже и реально передает все подробности: и широко раскрытые глаза под очками, и раскрытый рот, и окладистую бороду, и очертания кудрявой березы, на которой он висел. Так реален был этот рисунок, что я живо представляю себе мертвого Николая Семеновича, точно я сам видел эту березку с ее страшным грузом на островке среди унылого кочковатого мохового болота, поросшего мелкими редкими соснами». В 1899 году скончалась Юлия Заленская.

Опочецкое уездное земское собрание решило назначить ежегодное пособие в размере 350 рублей на воспитание сына покойного Н. С. Утретского – Сергея (1886 г.р.), впредь до полного окончания курса наук. Портрет Н. С. Утретского был помещен в здании Синеникольского медицинского участка в память о человеке, «так много потрудившемся при его устройстве». Похоронили супругов на Синеникольском погосте, на родовом кладбище. Рядом с могилой предприимчивого купца с роскошным надгробием, выполненным из шлифованного темного гранита, с надписью: «*На сем месте погребено тело Семиона Петровича Утретского, скончавшегося 8 марта 1880 г.*». Рядом такое же роскошное надгробие: «*Николай Семенович Утретский родился 04 сентября 1860 г. – ск. 16 июня 1897 г.*» и ниже «*Юлия Яковлевна Утретская родилась 15 февраля 1859 г. – ск. 15 июля 1899 г.* На обратной стороне: *Аврора Жозефина Заленская родилась 01 июля 1837 г. – ск. 02 апреля 1900 г.*» – это мать Юлии Яковлевны Утретской и теща Николая Семеновича.

После смерти Утретского имение было передано под опеку барину, жившему в Гораях, вспоминал Федор Семенович Семенов. Этим барином был барон Розен. «Сирот Погосских взял к себе барон Розен, который был назначен их опекуном. Хороший хозяин, он быстро привел в порядок дела Погосского, обнаружив, что они вовсе не были в таком плохом состоянии, как представлял себе бедный Николай Семенович. Сережа продолжал жить у Розенов, окончил гимназию и поступил в

Военно-медицинскую академию, которую не успел окончить, когда разразились война и революция. Розены бежали за границу, как будто вместе с ними уехал и Сережа. Старый дом в Горях был сожжен.

В годы Первой мировой войны Сергей Николаевич Утретский – студент Военно-медицинской академии. Место службы 18-й передовой отряд Красного Креста частных сестер милосердия. 9 декабря 1914 года отмечен серебряной наградной медалью "За усердие" на Станиславовой ленте. Согласно статуту, эту награду получали "за отлично-усердную службу и особо ревностную службу и труды, понесенные на театре военных действий". Кроме того, за годы германской войны С. Н. Утретский был награжден Георгиевской медалью IV степени "За храбрость" и Георгиевской медалью III степени "За храбрость". По воспоминаниям Федора Семеновича Семенова: "Во время империалистической войны С. Н. Утретский был на фронте фельдшером. Возвратившись с войны, дом отца отдал под больницу, а сам уехал. Больше о нем ничего неизвестно.

Синеникольский некрополь – последнее пристанище потомственных дворян Псковской губернии Румянцевых-Бизюкиных-Вердеревских. Дмитрий Дмитриевич Бизюкин, обладая незаурядными талантами, долго колебался между историко-филологической и инженерной карьерами. Данью гуманитарным наклонностям стал замечательный исторический очерк к 500-летию Опочки «Старая жизнь в Опочечком уезде», оформленный собственными фотографиями и изданный им в 1913 г. за свой счет в Петербурге. «Перевернутые страницы» – так озаглавил Дмитрий Дмитриевич свои воспоминания, которые после его смерти (1954) до сих пор были опубликованы лишь частично. Они живо передают детали быта помещицкой усадьбы и вообще атмосферу конца XIX – начала XX века. В рассказе «Поэтесса» Дмитрий Дмитриевич упоминает родственников, нашедших последний приют на Синеникольском погосте.

1. Дестунис Юрий (Георгий) Спиридонович (1812-1904) – российский художник, дед Дмитрия Дмитриевича Бизюкина.

2. В 1907 г. ташлыкковскую семью постигло большое горе — застрелился сын Юрий. И долго эта рана не могла зажить у старых Ташлыкковых, потрясенных вообще концом иллюзий своей молодости.

3. В 1909 году из собственного пистолета Смит-Вессон застрелилась любимица отца – поэтесса Анастасия Дмитриевна Бизюкина (Настурочка).

В 1911 году на Синеникольском погосте похоронен Александр Дмитриевич Бизюкин. Он исполнял должность земского начальника Синеникольского участка в 1906-1911 годах.

Своему двоюродному брату вторит Софья Николаевна Зоммер-Меницкая. Её мать, Софья Николаевна Бизюкина-Зоммер, приходилась сестрой уже упомянутому на этих страницах Дмитрию Дмитриевичу Бизюкину. В своих воспоминаниях «...Я вышла замуж за любимого» она подробно повествует о жизни в родовом имении Олисово, особо останавливаясь на семейных трагедиях, связанных с потерей близких.

В Олисове похоронен его брат Всеволод, умерший от дизентерии, «умерший от воспаления мозга Петр».

Все же вернемся к тайне осинового креста. Ольга Меницкая описывает похороны своей девятилетней сестры Сони, умершей от кори и похороненной на Синеникольском погосте под чугунным крестом, отлитым в виде березового дерева. «Она лежала такая красивая в гробу, с распущенными волнами [волос], в цветах, что тетя Аня (художница) плакала на похоронах. Мне вместо траура надели гимназическое коричневое платье и обшили его крепом на рукавах и воротнике, и вот я, ребенок, немного утешилась своим трауром и развлеклась торжественностью службы, похоронами. Мне так понравился крест металлический, окрашенный под березу, с медной дощечкой, на которой был написан стих из Евангелия: «Пустите детей приходите ко мне и не препятствуйте им, ибо их есть царствие небесное». Таким образом, можно сделать предположение, что под «осиновым крестом» захоронение Софьи Михайловны Зоммер (1875-1884) и его братьев Всеволода и Петра.

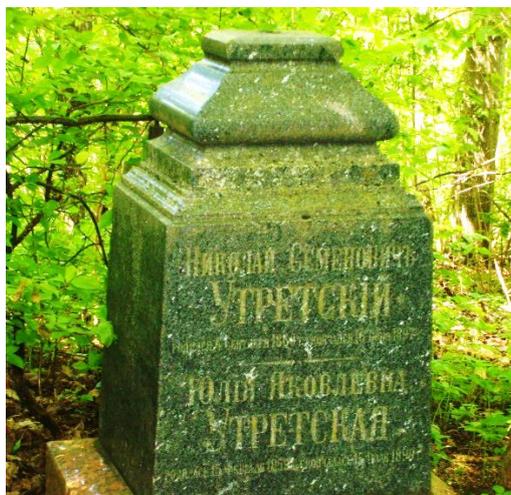
Сегодня усилиями местных жителей эта и другие могилы старинного кладбища приводятся в порядок. На месте утерянной таблички тщанием Сергея Викторовича Кабатчикова появилась новая с восстановленным текстом.

Безусловно, и могилы клана Утретских, и история захоронения дворян Румянцевых-Стремоуховых-Бизюкиных-Вердеревских еще ждут своего вдумчивого исследователя и тщательного исследования.

Источники

1. Статистическо-географический словарь Опочецкого уезда Псковской губернии. Псков 1895.

2. Осипова Н. П. «Дневник археографической и историко-бытовой экспедиции в Опочецкий и Красногородский районы Псковской области /18-26 мая 1976 г». //Музея дивное пространство». Псков 2001//
 3. Астратова С. Н. Тайна осинового креста: история Синей Николы. // Псковская правда. – 2007. – 29 марта. – С.15. //
 4. Заседания Опочецкого уездного земства. //Журнал заседаний Опочецкого земства за 1894, 1895, 1897 годы//.
 5. Д. Д. Бизюкин «Конец Погосского. Главы из воспоминаний Перевернутые страницы Русская мысль», Париж, № 4425, 03 октября 2002 г.
 6. «Краткий очерк жизни и деятельности земского труженика Николая Семеновича Утретского». //Вестник Псковского губернского земства № 8, 1897 год//.
 7. Заседания Опочецкого уездного земства. //Журнал заседаний Опочецкого земства за 1897 годы//.
 7. Воспоминания Семенова Ф. С. // Архив музея Анкудиновской средней школы//.
 8. Конов Ю. Г. Некрополь Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии в XIX-XX веках.
 8. Утретский Сергей Николаевич. Памяти героев Великой войны. Код доступа <https://gwar.mil.ru/heroes>. Дата обращения 6.10.2023 //
 9. Д. Д. Бизюкин «Поэтесса» // Журнал СПб Университета 28 марта 2011 года//
 10. В. В. Шереметовский. Русский Провинциальный Некрополь: Т. 1. – М., 1914
 11. О. М. Меницкая «...Я вышла замуж за любимого» // История современности. № 1 (3) за 2016 год//
- *Храм был построен в 1901 году.

Конов Ю. Г.

Тайны и легенды Синеникольского погоста Опочецкого уезда Псковской губернии